

сергей
TACK

осенний
разговор

Сергей Эмильевич Таск

Осенний разговор

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3955375
Осенний разговор. : Время; Москва; 2013
ISBN 978-5-9691-1109-7*

Аннотация

Можно заставить себя посмотреть скучное кино. Можно через силу проглотить какую-нибудь «полезную» дрянь. А вот стихи по заказу не пишутся. Они вообще все реже пишутся. Я о лирике. Как будто внутри сломалось важное колесико. Что ж, тогда перечитаем написанное.

Содержание

Теза	4
«Я перед вами виноват...»	4
«Хранить черновики – нечистоплотно...»	6
Превращение	7
Размолвка	9
«В глазах стояло: руку протяни...»	11
Отпевание Владимира Набокова	12
Фантазия	14
«Опалиха, Павшино, Тушино, Стрешнево...»	17
«Деревня будит город...»	18
«Уходя уходи...»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Эмильевич Таск

Осенний разговор

Теза

«Я перед вами виноват...»

Я перед вами виноват,
зацветший пруд и тонкий колос:
никак мой своевольный ГОЛОС
звенеть не хочет с вами в лад —
я перед вами виноват.

Пора во всем сознаться мне:
простите, облака и птицы,
мне что-то нынче не летится,
знать, руку отлежал во сне —
пора во всем сознаться мне.

И ты, Отец, меня прости:
хоть это труд, конечно, адов —
плодить людей, и рыб, и гадов,
но нам опять не по пути,
уж ты, Отец, меня прости.

Вся жизнь – на кончике пера,
и для того, кто понял это,
зима перетекает в лето
и с небом шепчется гора.
Вся жизнь – на кончике пера.

И в час исхода встретят нас
пруд, колос, облака и птицы,
и в этот час нам все простится,
а мы простимся в этот час
с собой – чтоб возродиться в вас.

«Хранить черновики – нечистоплотно...»

Хранить черновики – нечистоплотно,
как не снимать белья в разводах пота.

Измятый листик, отслужив свое,
не лучше, чем измятое белье.

Чем обнародовать издержки кухни,
на чистую бумагу деньги ухни,

затем чтоб лист, до жути голый, вновь
и душу растравил и вспенил кровь.

Превращение

Значит, так.

Выйдет человек с виолончелью и сядет на стул.

Особые приметы: голый череп, как бы составленный из двух полусфер, тонкая переносица, очки.

Когда волнуется, выпячивает нижнюю губу.

Зажав виолончель между колен, он полезет в боковой карман фрака и, достав носовой платок, вытрет им сначала лоб, а затем гриф инструмента.

В перерыве между частями порядок будет обратным — гриф, потом лоб.

Когда дирижер сделает знак, произойдет следующее:

Человек обхватит лапками стебель виолончели, белым брюшком касаясь бархатной поверхности, а спину выгнет так, что хитиновый панцирь фрака, плотно облегающий сзади, станет переливать всеми оттенками, от иссиня-черного до ультрамаринового, а кончики крылышек-фалд затрепещут от нетерпения.

Жук сомкнет — не раскроешь — железные челюсти и как одержимый начнет раскачивать тонкий стебель, быстро-быстро перебирая его мохнатыми лапками.

И застонет стебель и сбросить захочет своего мучителя — и не сможет, его жалобный голос будет отныне то теряться в согласном хоре ковыль-травы, то прорываться во время затишья перед новым

порывом ветра, и западет он вам в душу, этот человеческий голос.

Ростропович играет Дворжака.

Размолвка

Не плачь втихомолку,
я сам как убитый:
смешная размолвка,
смешные обиды.

«Ну, ты же большая», —
твержу, как младенцу,
и тушь вытираю
углом полотенца,

и робко, немея,
касаюсь затылка,
и вижу — на шее
пульсирует жилка.

Молчишь... взгляд невидящ
и дрожь подбородка.
Ты встанешь и выйдешь
нетвердой походкой.

Послышится кранов
фальцет медяковый,
ты, в зеркало глянув,
расплачешься снова.

Не надо, не трогай
круги под глазами,
они не от бога —
от ссор между нами.

Забудется ссора,
разглядятся лица...
Рассвет уже скоро,
сейчас бы забыться,

но кто-то, злословя,
мне шепчет на ухо:
«Родные по крови,
чужие по духу».

«В глазах стояло: руку протяни...»

В глазах стояло: руку протяни,
Ты – боль моя, последняя лазейка...
В ответ летела медная копейка.
Или́, Или́! лама́ савахва́ни? ¹

Мать – в плач: «Война, сыночка мне верни,
Шальная пуля, обойди сторонкой...»
А утром приходила похоронка.
Или́, Или́! лама́ савахва́ни?

Не мучай, прокляни – не прогони.
А сам стою и все чего-то медлю...
Ну, вот и кончено, теперь хоть в петлю.
Или́, Или́! лама́ савахва́ни?

---

¹ «Боже мой, Боже мой! Для чего ты меня оставил?» – слова Иисуса, сказанные им с креста.

Отпевание Владимира Набокова

Сыграл под абсурдинку и – на боковую,
к концу не испытал приязнь.
И мнилось – кто-то пел за стенкой аллилуйю,
как приглашение на казнь.

Не бабочек, но жизнь ты, лепидоптеролог,
ловил, бросаясь на сучок.
Ведь сколько в махаонов ни вонзай иголок,
поймаешь сам себя в сачок!

Гранитный Петербург, воздушный Сан-Франциско...
Рискуя совершить faux pas,
по-русски, по-французски, по-английски
петляла без конца тропа.

Петляя и кружа, она вела в Россию,
даря прозренья слепоты,
чтоб детских лет фантом, предвестник ностальгии,
взрастил чудесные цветы.

Прозренья? Да. Презренья? Да, и это.
Но главный все-таки итог
в том, что живая речь, услышав зов поэта,
к нему бросалась со всех ног.

За этот мир, за этот луч, мелькнувший
в твоём волшебном фонаре,
в последний вечный путь страдальческую душу
проводим взглядом, взор подняв горё.

Фантазия

Отдаться, не разжавши губ!
Он не казался груб,
но не был люб.
Печали,
в глазах стоявшей, он внимал,
как душу вынимал,
но понимал
едва ли.

Чтоб в изголовье телефон
не поднял вдруг трезвон,
снял трубку он,
но зуммер
звучал, как приговор судьи.
Ах, как бы дух в груди,
того гляди,
не умер!

Ах, эта ночь и тишина!
Как патина, темна
и холодна,
как мрамор,
шагренью кожа под рукой
сжималась. Был такой
он взят тоской,

что замер.

И вспомнил, как давным-давно
привиделось окно,
освещено
луною,
и наважденья колдовство
измучило его
все существо
больное.

Холодный блеск в ее глазах
вернул тот прежний страх,
тогда впотьмах
перед иконой
он чиркнул спичкой, и на миг
явилась стопка книг
и строгий лик
Мадонны.

Простоволоса, без прикрас,
Мадонна скорбных глаз
с него сейчас
не сводит.
Весь вид ее его корит,
а спичка всё горит,
и черный стыд
нисходит.

Взгляд, волосы, овал лица,
лоб как из-под резца...
Всё до конца
вдруг вспомня,
он спичку выронил, и свет
исчез, как в сердце след.
Потери нет
огромней.

«Мадонна, первая любовь, —
шептал он вновь и вновь, —
не уготовь
конца мне,
чтоб образов былых наплыв
рассудок мой в обрыв
смёл, придавив
как камни!»

Тут он очнулся. Сквозь стекло
дошло зари тепло
и унесло
виденье.
Из трубки, сползшей с рычагов,
неслось, как жуткий зов
иных миров,
гуденье.

«Опалиха, Павшино, Тушино, Стрешнево...»

Опалиха, Павшино, Тушино, Стрешнево...
Горят облетевшие листья в бороздах.
Как вальс, на три счета, ритм поезда здешнего
И, как одиночество, призрачен воздух.

Бессонницей ночью тянуло из форточки —
Опять домовые куражились в жэке.
И свет у кровати садился на корточки,
Заглядывая под прикрытые веки.

Ей было за тридцать, ребенок и прочее.
Он канул в ночи, как все гости, однако...
Однако рассыпать пора многоточие,
Коль нет под рукой целомудренной знака.

Рассвет приговор приведет в исполнение,
И чай будет медленно стынуть в стаканах,
А блики сиротских пейзажей осенние —
На окнах лежать, как на гранях стеклянных.

«Деревня будит город...»

Деревня будит город,
и вновь, как и вчера,
поскрипывает ворот
под тяжестью ведра.

И пусть на хорах мглисто,
проснуться мог бы слух,
настолько голосисто
заходится петух.

Но город куролесил
всю ночь, он изнемог,
он окна занавесил
и спит без задних ног.

Он, точно старец древний,
вовсю храпит, злодей,
и окликов деревни
не слышит, хоть убей.

Залез под одеяло,
смотря десятый сон,
ему и горя мало,
и знать не знает он:

тем, кто сейчас рискует
покинуть свой ночлег,
кукушка накукует
Мафусаилов век.

«Уходя уходи...»

Уходя уходи. Ни себя, ни других
не жалей и не мучай по старой привычке.
Самолично – без помощи – спарывай лычки
и меняй – добровольно – пшеницу на жмых.

Уходя уходи. Раз такая судьба,
гвоздь, вколоченный намертво, вырви клещами.
Не давай себя за руки брать на прощанье —
может статься, окажется жилка слаба.

Уходя уходи. Из насиженных мест,
от насаженных собственноручно сосёнок.
Натяженье крест-накрест непрочных тесемок
на дорожной суме – чем, скажите, не крест?

Уходя уходи. Не вини никого
в том, что вдруг обернулся избой на отшибе.
Не искать же сомучеников по дыбе,
не делить же свое золотое вдовство!

Уходя уходи. И на стол не клади
ни бумаг черновых, ни предсмертной записки.
Пусть наврут, что хотят, а тебе – путь неблизкий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.